

Хочу жить в мире, которым управляю я

В пьесах А.Галина "Восточная трибуна", "Тамага", "Крыша" в середине восьмидесятых заявляло о себе новое поколение актеров и режиссеров. "Ретро" и "Звезды на утреннем небе" стали рекордсменами театрального проката. На московских сценах играют сейчас пять его пьес. Недавно "Современник" выпустил спектакль "Аномалия", в котором драматург выступил еще и как режиссер, и как актер.

- Александр Михайлович, чем жив сегодня драматург?

— Есть несколько российских драматургов, продолжающих писать пьесы. Я принадлежу к их числу. Жизнь моя мало изменилась, хотя я стал ставить свои пьесы и фильмы. Главным, конечно, остается драматургия. Я начал писать пьесы во времена, небогатые на события. Но внутри общества тогда происходили скрытые процессы, они подготавливали грядущие перемены. Я это ощущал, и, наверное, это отразилось в моих пьесах. Те, кто их помнит, кто в них играл или их ставил, помнят и моих героев, так называемых "маленьких людей". В то время на официальных сценах бушевали политические страсти, а на задворках отечественного театра, в основном на малых сценах, несколько драматургов пытались напомнить театру о человеке. вспомните, как стало тихо, когда она началась, наша свобода. А потом пошли какие-то полупорнографические фильмы в хо-

Фото Н.САМОЙЛОВА

лодных кинотеатрах, громадные искусственные фаллосы появились в витринах ларьков, расположенных в бывших киосках союзпечати. Пред ними замерли в оцепенении зрители — начинался театр самой жизни! Не сразу оживилась оробевшая на заре демократии эстрада, не сразу зычно запели бакалейные менестрели. Зеленый нал поток тонким ручейком из рук в руки, и вот уже с десятков лет и днем, и ночью гудит, гуляет ошалевшая Москва. Жизнь стала жесткой и холодной. Идет горячая борьба за выживание под треск автоматных очередей киллеров. Все что-то делят, и нет этому конца. Есть войны и смерть, нищета народа и разброд, в котором пребывает интеллигенция. Мелькают на телеэкране постаревшие лю-

бимцы миллионов с куриной костью на блюде и бокалом шампанского в руке, улыбаясь политикам и ворами. И как в наказание, стали покидать нас наши земные Боги. Ушел Федерико Феллини, и потом как бы второпях поспешила за ним божественная Джульетта. А они когда-то сказали все про нашу жизнь. вспомните "Дорогу". вспомните последние кадры фильма: Дзампано случайно слышит, как кто-то напевает песенку умершей Джельсомины, и его выворачивает от боли. Вот так и нас, как и несчастного Дзампано, не сберегшего душу, когда придет время, будет наказывать судьба за то, что предаем тех, кто нас любил, кто слабее и несчастнее нас. Сегодня есть все для того, чтобы убивать и грабить. Много оружия изго-

- Пришло время новых героев?

— Новых героев нет. Все мы очень-очень старые. Я попытался ответить на этот вопрос в спектакле "Чешское фото". Нет пока еще ни новых русских, ни новых итальянцев или новых фран-

цузов. И они не скоро появятся. Унификация, упрощение человека, к которой, видимо, стремится наша цивилизация, происходят очень медленно. Это тема отдельного, не короткого разговора. Под новыми одеждами скрываются все те же узнаваемые человеческие страсти. Слова предательства, произнесенные в мобильный телефон или посланные по электронной почте или факсу, не меняют своей разрушительной сути. Точно так же, как слова любви, писанные еще и гусиным пером, волнуют сердце женщины, если они начертаны ей на городском рекламном щите. Мы все еще топчемся на крохотном историческом пятачке, в котором действуют, вернее, не действуют моральные законы, произнесенные в Нагорной проповеди. "Чешское фото" — это история измены. В начале девяностых годов, когда я писал эту пьесу, мне эта тема казалась наиболее важной. Тогда началось то, что стало аномалией сегодняшней жизни. Люди стали покидать свое прошлое и убегали в неизвестность, забывая все, даже то, чего забыть нельзя. Так возник феномен нашей современной жизни, аналогов которой не знает История. Жизни без легенды, такой легенды, в которую верят все.

- Об этом спектакль "Аномалия"?

— Да. Он о жизни без легенды. Разрушена могучая империя. Подобно призракам существуют сейчас на ее развалинах множество людей. Они живут странной, временной аномальной жизнью. "Объект 117" на севере России когда-то был важным стратегическим объектом. Теперь на его развалинах живут забытые офицеры, которые не знают, кому и чему они служат и что их ждет в будущем. Их-то и посещают артисты безвестного кукольного театра, у которых сломался автобус. Вот, собственно, вся фабула. Пьеса и спектакль о том, что невозможно жить без искусства, без души. Об этом я сделал фильм, но пока решил поставить театральный спектакль. Давид Боровский, с которым я делаю в Москве второй свой спектакль и который придумал

декорации почти ко всем московским спектаклям по моим пьесам, поставил на небольшой сцене "Современника" гигантский железный объект. Как это ему удалось — загадка, но этому гению современного театра, кажется, удается все. Роли играют прекрасные актеры, но особенно для меня радостно, что среди почти двадцати действующих лиц больше половины отдают совсем молодым исполнителям. Это история моей жизни, и не только потому, что я когда-то играл в кукольном театре. Я всегда писал о том, что я любил и люблю. Я больше всего на свете люблю легенду о том, что у человека есть Душа. Все, что есть в мире прекрасно, доказывает ее существование. А мы живем сейчас так, как будто пытаемся доказать обратное. Аномалия! За последние годы наш театр страшно опустился. В тени телевизионных, эстрадных и политических шоу поблекли не только наши грязные, нищенские здания, поставлена под сомнение сама идея нашего театра, созданного по законам нравственности и высокого уважения к профессии. Москвичи еще держатся, но что происходит в провинции! Актеры пьют водку даже во время репетиции, спектакли играют заплетающимися голосами.

- Судьба российского актера сегодня незавидна.

— Актеры хотят играть. Последние работы ведущих режиссеров мира убедили меня в том, что на мировую сцену возвращается театр автора и актера, но все меньше и меньше талантливых людей собираются заниматься театром. Театр — опасная зона, зона жизненного риска, но все равно появляются новые имена и новые пьесы. Мне иногда звонят артисты, просят прочитать новую пьесу, спрашивают об авторе. Если в пьесе есть талант и энергия, ее обязательно оставят.

- Вы существуете как-то автономно. Редко даете интервью, хотя находите все время в процессе творчества.

— Я занимаюсь работой, которая мне интересна и в которой я, может быть,

чему-то научился. Этого достаточно, чтобы занять мое время. Мне нравятся совершенствовать свои пьесы и сценарии. Жить в мире своих еще ненаписанных пьес. Что может сравниться с жизнью в мире воображения! Я плохой организатор своей собственной жизни и до последнего времени занимался только писанием пьес. Теперь вот и ставлю их.

- Но режиссер по сути своей организатор.

— Театральных идей, но не собственной биографии. Я еще молодым человеком попробовал вкус театральной славы. Кланяясь на многих сценах мира, я всегда чувствовал, что меня тянет к еще ненаписанной пьесе. Мне хочется жить в мире, которым управляю я. Иногда уже отыгранные или идущие мои пьесы возникают подобно сну в моем воображении, и их герои имеют лица, которые дали им артисты. Так Иван Любознов, Мартин Хельд или великий японский артист Уно сходятся в одних декорациях Давида Боровского, хотя они никогда не играли "Ретро" вместе. С ними беседует чудесная итальянская актриса Эльза Албани. Галя Петрова из "Современника" сидит напротив Тани Шестаковой из Малого драматического, хотя они играли в "Звездах на утреннем небе" одну и ту же роль. И Олег Табаков, в то уже далекое время стыдившийся продать на сцене "Современника" всего лишь флакон туалетной воды, теперь обречен в моей памяти быть Вадиком Коныевым, как бы ни сложилась его биография.

- Александр Михайлович, "Плащ Казановы" пока единственный ваш фильм. Как удалось убедить итальянцев дать вам деньги на этот проект, ведь кинорежиссурой вы прежде не занимались?

— Я их не убеждал. В Италии поставили подряд три мои пьесы. Я сделал спектакль в Риме, и ко мне обратился артист Лука Барбарески, восходящая "звезда" итальянского театра и кино. Я написал сценарий и поставил фильм. Я был к этому готов, потому что хотел этим заниматься. Я многим еще не занимался, чем хотелось бы, но я готов. Хочу сыграть на сцене и в кино. Написать прозу. Спеть несколько оперных арий и станцевать в балете, либретто которого уже написал.

Публикацию подготовила Светлана ХОХРЯКОВА